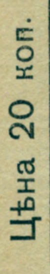
Книгоиздательство „СВѢТОЧЪ“ № 3.

С. А. Венгеровъ.

Эпоха Бѣлинскаго.

(Общій очеркъ).

Публичная лекція.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1905.

Труды С. А. Венгерова.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1875-77. Ц. 2 руб.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1884. Ц. 1 руб.

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. (Englische Verfassungs-Geschichte). Перев. съ нѣм. подъ ред. *С. А. Венгерова.* М. 1885. Ц. 4 руб. 50 коп.

Русская Поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ. Съ критико-біографическими статьями, библіограф. примѣчаніями и портретами. Томъ I (выпуски 1—6). XVIII вѣкъ. Спб. 1897. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Выпускъ VII. Спб. 1901. Ц. 1 руб.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція *С. А. Венгерова.* Изданіе *Г. В. Юдина.* Спб. 1896—1898. Вышло три тома. (А—Вавиловъ). Цѣна каждаго тома 3 р. 50 к. съ перес. 4 руб.

Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Вступительная лекція, читанная въ Спб. университетѣ 23 сент. 1897. Спб. 1899. Цѣна 20 коп. Нѣмецкій переводъ: Grundzüge der neuen russischen Litteratur. Uebertragen von *Traugott Pech.* Berlin 1899. Stuhrsche Buchhandlung.

Источники словаря русскихъ писателей. (Ааронъ—Гоголь). Собралъ *С. А. Венгеровъ.* Спб. 1900. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Ц. 2 руб. 50 коп.

Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей *С. А. Венгерова.* Роскошное изданіе. Съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ. (Библіотека великихъ писателей, изд. Брокгаузъ-Ефрона). Спб. 1901—1902 г. 4 тома Цѣна за 4 тома—20 руб., въ 4 переплетахъ 24 руб.

Полное собраніе сочиненій Шекспира въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ ред. *С. А. Венгерова.* Роскошное изданіе, съ историко-литературными предисловіями къ каждой пьесѣ, примѣчаніями, эстампами и рисунками въ текстѣ. (Библіотека великихъ писателей, изд. Брокгаузъ-Ефрона). Спб. 1902—1904. 5 томовъ. Цѣна за 5 томовъ 25 руб., въ 5 переплетахъ 30 руб.

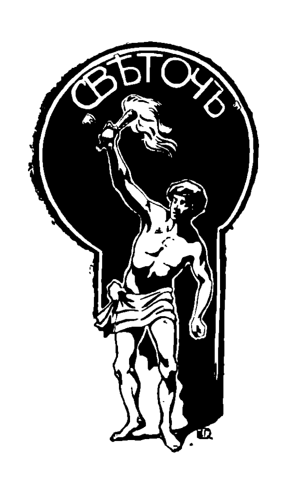
Книгоиздательство „СВѢТОЧЪ“ № 3.

С. А. Венгеровъ.

Эпоха Бѣлинскаго.

(Общій очеркъ).

Публичная лекція.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1905.

[redacted]

Эпоха Бѣлинскаго.

Годы, къ общему обзору литературной исторіи которыхъ я сейчасъ собираюсь приступить, принято у насъ называть *Гоголевскимъ періодомъ.*

Трудно придумать обозначеніе, менѣе подходящее къ сущности эпохи, чѣмъ это. И если обратиться къ исторіи происхожденія термина «Гоголевскій періодъ», то полная непригодность его станетъ еще яснѣе.

Терминъ созданъ Чернышевскимъ. Когда онъ въ 1855 году началъ въ «Современникѣ» рядъ статей о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, то главною цѣлью его было возстановить въ памяти читателей дѣятельность Бѣлинскаго: ему посвящена значительнѣйшая часть статей. Но имя Бѣлинскаго нельзя было въ то время называть: реакція, наступившая у насъ благодаря опасеніямъ, вызваннымъ европейскими революціонными событіями 1848 года, отнеслась къ дѣятельности Бѣлинскаго какъ къ чему-то противозаконному. Такъ всѣмъ подсудимымъ по литературно-политическому дѣлу Петрашевскаго было вмѣнено въ проступокъ, что они читали знаменитое негодующее письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, полное выходокъ противъ недостатковъ нашего строя. Вотъ почему за все семилѣтіе (1848—1855), отдѣляющее смерть Бѣлинскаго отъ начала новаго царствованія, имя Бѣлинскаго не упоминается въ журналистикѣ. Чернышевскій началъ свои очерки въ первые мѣсяцы новаго царствованія, когда старыя традиціи еще не уступили мѣста новымъ

Но вотъ наступаютъ новыя вѣянія и это очень быстро сказалось на «Очеркахъ» тѣмъ, что въ четвертой статьѣ имя Бѣлинскаго уже было, наконецъ, произнесено. Въ первыхъ же статьяхъ, повторяю, Бѣлинскаго назвать еще нельзя было. Чернышевскому, слѣдовательно, нужно было придумать своего рода псевдонимъ, надо было говорить о Бѣлинскомъ иносказательно. Онъ и придрался къ тому, что въ то время выходило собраніе сочиненій Гоголя. Это давало поводъ говорить объ умственномъ движеніи 30-хъ и 40-хъ годовъ. А такъ какъ надо было выдумать безобидную кличку, то слова «Гоголевскій періодъ» какъ-бы сами напрашивались на языкъ. И пошло это названіе, и утвердилось оно такъ, какъ будто вполнѣ выражало намѣренія автора статей. А между тѣмъ достаточно посмотрѣть одно только оглавленіе «Очерковъ Гоголевскаго періода», чтобы убѣдиться, что Гоголь тутъ ни причемъ: Гоголю посвящено въ нихъ меньше 20-ти страницъ изъ 380, очерки трактуютъ исключительно о теоретической русской мысли, на которую ужъ, конечно, Гоголь не могъ оказать никакого вліянія. Критика Бѣлинскаго, правда, въ числѣ своихъ другихъ заслугъ, имѣетъ и заслугу правильнаго истолкованія Гоголя. Безспорно вообще, что, за исключеніемъ Булгарина, всѣ литературныя партіи 40-хъ годовъ чрезвычайно высоко цѣнили Гоголя,—но отсюда до наложенія отпечатка на всю эпоху еще очень далеко.

Я не стану касаться поднимаемаго не разъ вопроса о томъ, отъ кого пошла новая русская литература?—отъ Пушкина или отъ Гоголя. Но внѣ спора во всякомъ случаѣ то, что дѣятели сороковыхъ годовъ уже застали Гоголя большою литературною величиною,—слѣдовательно, онъ относится къ эпохамъ предыдущимъ. И, наконецъ, достаточно вспомнить письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу «Переписки съ друзьями», чтобы окончательно рѣшить вопросъ о томъ, мыслимо-ли назвать именемъ Гоголя тотъ періодъ, который такъ далеко разошелся съ Гоголемъ въ пониманіи существеннѣйшихъ сторонъ русской жизни.

Нѣтъ, вторую половину тридцатыхъ годовъ и сороковые годы нужно непремѣнно назвать эпохой Бѣлинскаго, какъ по тому центральному значенію Бѣлинскаго, которое онъ тогда занялъ въ журналистикѣ, такъ

и потому еще, что никто изъ остальныхъ дѣятелей эпохи не дошелъ въ эти годы до полнаго развитія своихъ литературныхъ силъ. Умершій въ 1848 году Бѣлинскій одинъ въ сороковыхъ годахъ обрисовался во всю свою величину. Остальные сверстники его, за исключеніемъ развѣ Грановскаго, всю силу своихъ талантовъ развернули уже послѣ его смерти—въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

I.

Исторія умственнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ исторіей московскаго университета за это время. Въ началѣ 30-хъ годовъ въ немъ учились почти всѣ главныя силы новой русской литературы. Лермонтовъ, Гончаровъ, Герценъ, Огаревъ, Станкевичъ и второстепенные члены его знаменитаго кружка, Константинъ Аксаковъ и наконецъ Бѣлинскій—все это студенты московскаго университета конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ.

Въ знаменательное время попали они въ университетъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ московскій университетъ находился на рубежѣ совершенно новой эпохи, на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ профессурѣ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ: шеллингистъ Павловъ, даровитый Надеждинъ, Шевыревъ—тогда еще молодой энтузіастъ, только что вернувшійся изъ-за границы и еще не превратившійся въ того сухого педанта, съ которымъ ожесточенно ратоборствовалъ впослѣдствіи кружокъ Бѣлинскаго, Погодинъ, тоже еще молодой и свѣжій,—всѣ эти молодыя силы внесли новый духъ въ университетское преподаваніе, который и не замедлилъ произвести въ немъ радикальныя перемѣны. Вмѣсто прежняго монотоннаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена заготовленныхъ и изъ года въ годъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, повторяемыхъ, съ профессорской каѳедры послышалось живое слово, стремившееся отразить вѣянія времени, удовлетворить нарождающимся потребностямъ жизни. Параллельно этимъ перемѣнамъ въ профессорской средѣ, происходитъ большая перемѣна и въ москов-

скомъ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. Прежніе патріархальные нравы, когда московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ мало по малу начинаютъ отходить въ область преданій. Правда, и въ годы вступленія Бѣлинскаго въ университетъ студенты забавлялись еще подчасъ разными чисто-школьническими шалостями и продѣлками. Но въ общемъ, все-таки, эти времена буйства, школьничества и незнанія куда дѣть запасъ юношескихъ силъ рѣшительно проходятъ и замѣняются стремленіемъ къ «солнцу истины», какъ выражается Константинъ Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Начинается образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно сплоченныхъ кружковъ молодыхъ людей, восторженныхъ и чистыхъ, сходящихся затѣмъ, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе.

Студенчество новаго типа сгруппировалось по преимуществу въ двухъ кружкахъ—*Станкевича* и *Герцена*. И какъ это ни странно, но почти все, чѣмъ славно поколѣніе сороковыхъ годовъ, или прямо вышло изъ этихъ двухъ кружковъ или тѣсно къ нему примыкало. Безусловно правъ Герценъ, когда, вспоминая въ «Быломъ и Думахъ» о студенческихъ кружкахъ своего времени, говоритъ о лицахъ, входившихъ въ составъ ихъ: «Можно сказать, что въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками, только-что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки. Это были зародыши исторіи, незамѣтные, какъ зародыши вообще. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддерживаемые, они легко могли-бы погибнуть безъ слѣда, но они остаются, а если и умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними».

Оба кружка, хотя и одушевленные однимъ и тѣмъ-же жаромъ высокихъ стремленій, почти не имѣли между собою общенія и отчасти даже враждебно относились другъ къ другу. Они были представителями двухъ направленій. Кружокъ Станкевича интересовался по преимуществу вопросами отвлеченными—философіей, эстетикой, литературой и былъ довольно равнодушенъ къ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Напротивъ того, кружокъ Герцена, тоже очень

интересовавшійся философіей, не особенно интересовался литературой, а все свое вниманіе сосредоточивалъ на вопросахъ политики дня и вопросахъ соціальнаго устройства. Бурная жизнь іюльской монархіи и ученіе Сенъ-Симона составляли преобладающій интересъ Герцена и его друга Огарева. Кружку Герцена весьма скоро пришлось столкнуться съ тѣмъ, что̀ на жаргонѣ того времени называлось «дѣйствительностью», и эта «дѣйствительность» поступила съ ними безъ всякой нѣжности, размѣстивъ ихъ по разнымъ уголкамъ Россіи. Поэтому на литературномъ поприщѣ они появляются позже, чѣмъ члены кружка Станкевича.

Въ составъ первоначально чисто-студенческаго кружка Станкевича, продолжавшаго жить въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи и восторженнѣйшей дружбѣ и послѣ того, какъ члены его въ 1834—35 гг. оставили университетъ, входили люди неодинаковой умственной и нравственной величины. Второстепенное значеніе имѣютъ: рано умершій историкъ и археологъ Сергѣй Строевъ; довольно посредственный поэтъ, впослѣдствіи профессоръ кіевскаго университета Красовъ; гораздо выше послѣдняго стоящій поэтъ-философъ Ключниковъ, извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ—*ө*—,и наконецъ Невѣровъ, получившій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Цвѣтъ сообщали кружку прежде всего самъ Станкевичъ, затѣмъ Константинъ Аксаковъ и Бѣлинскій. Черезъ годъ, два послѣ того, какъ кружокъ покончилъ университетскія дѣла свои, къ нему тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ четыре крупнѣйшихъ дѣятеля: Бакунинъ, Катковъ, Василій Боткинъ и Грановскій.

Перечисленныя лица были люди различныхъ темпераментовъ и душевныхъ организацій. Но всѣхъ ихъ сплачивало въ одно обаяніе необыкновенно свѣтлой, истинно-идеальной личности Станкевича. Станкевичъ представляетъ собою чрезвычайно рѣдкій примѣръ литературнаго дѣятеля, не имѣющаго никакого значенія какъ писатель и тѣмъ не менѣе наложившаго яркую печать своей индивидуальности на одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ русской литературы. Какъ писатель, Станкевичъ авторъ очень плохой quasi-исторической драмы, слабой повѣсти, двухъ-трехъ десятковъ стихотвореній вполнѣ второстепеннаго значенія, и нѣсколькихъ отрывковъ философскаго

характера, правда, довольно интересныхъ, но найденныхъ только послѣ смерти въ бумагахъ его и напечатанныхъ цѣлыхъ 20 лѣтъ спустя. Весь этотъ незначительный литературный багажъ вмѣстѣ съ переводами занялъ небольшой томикъ, и не въ немъ, конечно, источникъ огромнаго вліянія Станкевича. Оно зиждется, помимо красоты его нравственнаго существа, на томъ, что Станкевичъ, не обладая литературнымъ и научнымъ талантомъ, былъ тѣмъ не менѣе очень талантливою личностью просто какъ человѣкъ. Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искусству, большимъ и яснымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства. Его живая, умная и часто остроумная бесѣда была необыкновенно плодотворна для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе. Онъ всякому спору умѣлъ сообщать высокое направленіе, все мелкое и недостойное какъ-то само собою отпадало въ его присутствіи, какъ и въ присутствіи Бѣлинскаго. Станкевичъ представлялъ собою удивительно гармоничное сочетаніе нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ. Въ идеализмѣ Станкевича не было ничего напускного или приподнятаго, идеализмъ органически проникалъ все его существо, онъ могъ легко и свободно дышать только на горныхъ высотахъ духа.

Въ 1837 году начинающаяся чахотка и жажда приложиться къ самому источнику философскаго знанія погнали Станкевича заграницу. Онъ подолгу живалъ въ Берлинѣ, гдѣ вступилъ въ тѣсное общеніе съ душевно полюбившимъ его профессоромъ философіи гегельянцемъ Вердеромъ. Въ это время въ сферу его обаянія попали питомцы петербургскаго университета—Грановскій и Тургеневъ. Въ 1840 году двадцатисемилѣтній Станкевичъ умеръ въ итальянскомъ городкѣ Нови. Ранняя смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе на друзей его, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то необыкновенно гармонично и художественно завершила красоту его образа.

Et rose elle a vecu ce que vivent les roses
L'espace d'un matin,

сказалъ французскій поэтъ про умершую въ цвѣтѣ лѣтъ дѣвушку и находитъ въ этой гармоніи примиреніе съ ужаснымъ фактомъ. Душевная красота Станкевича была тоже своего рода благоуханнымъ цвѣткомъ, который могъ бы и выдохнуться при болѣе прозаическихъ условіяхъ, какъ выдохся, напр., идеализмъ его друга и кумира Невѣрова. Теперь-же, благодаря трагизму судьбы Станкевича и цѣльности оставленнаго имъ впечатлѣнія, имя его стало талисманомъ для всего поколѣнія 40-хъ годовъ и создало желаніе приблизиться къ нему по нравственной красотѣ.

Преобладающимъ интересомъ кружка Станкевича было изученіе германской идеалистической философіи. Изъ университета члены кружка, подъ вліяніемъ лекцій Павлова и Надеждина, вынесли интересъ къ Шеллингу, съ его широкимъ взглядомъ на міръ, какъ на развитіе одной всеобщей, объединяющей и творящей идеи. Во второй половинѣ 30-хъ годовъ поэтически-восторженный идеализмъ и пантеизмъ Шеллинга вытѣсняется суровой схемой Гегелевскаго міропониманія. Увлеченіе кружка гегельянствомъ было безмѣрное и дошло до истинной страсти. По свидѣтельству Герцена, котораго не было въ Москвѣ, когда началось увлеченіе Гегелемъ, и который засталъ его апогей по своемъ возвращеніи въ Москву, въ концѣ 1830-хъ годовъ, члены кружка отъ всякаго, приходившаго съ ними въ столкновеніе, «требовали безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ по ихъ толкованію. Толковали же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ гегелевской логики, въ двухъ его эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея «по себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней».

Это увлеченіе гегеліанствомъ порою доходило у членовъ кружка до наивно-трогательныхъ проявленій. Молодые люди такъ преиспол-

вились ученіемъ берлинскаго философа — что у нихъ «отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своеобразная наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и, если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отвесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ»...

На увлеченіи Станкевича и его друзей гегельянствомъ впервые ярко сказалась та основная черта русскаго усвоенія отвлеченныхъ идей, которая проходитъ красною нитью чрезъ всю нашу духовную жизнь послѣднихъ 50 — 60 лѣтъ. Въ томъ-то и дѣло, что отвлеченныя идеи никогда не оставались для насъ *отвлеченными*, а, переходя въ плоть и кровь, быстро переводились на языкъ дѣйствительности и становились чѣмъ-то очень конкретнымъ. И интересъ къ философіи у людей сороковыхъ годовъ никогда не былъ интересомъ къ философіи and und für sich. Есть два типа интереса къ философіи. Можно ею интересоваться, какъ *наукой*, какъ дисциплиною *объясняющею*. Этотъ чисто-научный типъ интереса господствовалъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, гдѣ задолго до того, какъ философія завладѣла умами свѣтскаго общества, превосходно изучали всѣ главныя философскія системы. Если хотите, такое отношеніе—вполнѣ европейское, культурное, можетъ быть объясняемо тѣмъ, что культура духовнаго сословія нашего старше культуры свѣтскаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ отношеніи и достаточно... равнодушія къ истинѣ. Ну, а равнодушіемъ къ истинѣ

и холоднымъ объективизмомъ поколѣніе сороковыхъ годовъ всего менѣе отличалось. И вотъ почему оно и къ широкимъ перспективамъ гегелевскаго мірообъясненія отнеслось не съ холоднымъ любопытствомъ, а внесло въ ихъ усвоеніе всю страсть людей, ищущихъ духовной опоры и жаждущихъ найти мѣру вещей. Для нихъ философія стала въ полномъ смыслѣ слова религіей, не разъ доводившей ихъ до состоянія прямого экстаза. Неудивительно, что чисто научный интересъ отошелъ при этомъ совершенно на второй планъ. *«Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія»*, говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и это драгоцѣннѣйшее свидѣтельство даетъ единственно вѣрный методъ оцѣнки философскихъ увлеченій эпохи Бѣлинскаго. Комичны, поэтому, новѣйшія нападки на Бѣлинскаго и его друзей за то, что они не вѣрно поняли Гегеля. Эти нападки комичны, прежде всего, по существу. Они основаны по преимуществу на томъ, что Бѣлинскій плохо зналъ по-нѣмецки, Гегеля въ подлинникѣ не читалъ и знакомъ былъ съ нимъ по передачѣ друзей, въ частности Бакунина. Но дѣло-то въ томъ, что это была передача, которая превосходила непосредственное знакомство. Герценъ, въ высокой компетентности котораго по отношенію къ философскимъ вопросамъ никто еще никогда не сомнѣвался, говоритъ, что изъ всѣхъ людей, изучавшихъ Гегеля, онъ встрѣтилъ только двухъ, которые поняли великаго философа въ совершенствѣ, и оба эти человѣка не знали по-нѣмецки: то были Прудонъ и Бѣлинскій, оба—ученики одного и того же Бакунина. По отзыву другого компетентнаго судьи—князя Одоевскаго, Бѣлинскій представлялъ собою примѣръ замѣчательнѣйшей философской духовной организаціи, которой достаточно было усвоить основныя начала, чтобы затѣмъ уже самостоятельнымъ путемъ дойти до всѣхъ ихъ логическихъ послѣдствій. Вотъ почему и Гегеля Бѣлинскій превосходно понялъ по пересказу Бакунина и Станкевича.

Итакъ, повторяю, упреки въ томъ, что въ кружкѣ Бѣлинскаго плохо знали Гегеля, комичны по существу. Но они еще болѣе комичны по тѣмъ негодующимъ выводамъ, которые изъ нихъ сдѣлали люди, взявшіеся изучать умственныя движенія русскаго общества, не

уяснивъ себѣ главной особенности ихъ — способности претворять заимствованныя извнѣ отвлеченныя системы въ нѣчто вполнѣ самостоятельное, въ чисто русскій катехизисъ практической жизни. Допустимъ, что Бѣлинскій не понялъ Гегеля и даже совершенно «извратилъ» его. Что бы изъ этого слѣдовало? Единственно тотъ фактъ вполнѣ второстепеннаго значенія, что умственная жизнь русской интеллигенціи 40-хъ годовъ шла безъ воздѣйствія на нее подлинной гегелевской философіи. А такъ какъ философія Гегеля даже и въ подлинномъ видѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана универсальнымъ фактомъ правильнаго умственнаго развитія, какимъ должны быть признаны, напр., естественно-научный методъ или критическая философія Канта, то и ущерба никакого не произошло бы отъ «извращенія» Бѣлинскимъ гегельянства. Въ современной Бѣлинскому Франціи и Англіи Гегеля совсѣмъ не знали, и это не помѣшало имъ развить первостепенную культуру. Обошлась бы, слѣдовательно, отлично и Россія безъ «правильно» понятаго гегельянства. Весь интересъ «правильно» или «неправильно» понятаго русскаго гегельянства только въ томъ и заключается, поскольку онъ является *русскимъ* умственнымъ теченіемъ. Исходи онъ даже изъ полнаго непониманія, его огромный интересъ для историка русской мысли и русскаго общества столь же мало ослаблялся бы этимъ, какъ не ослабляется, напр., историческій интересъ католицизма и протестантства, если допустить, что они отступили отъ ученія первоначальнаго восточнаго христіанства. Дѣйствительный интересъ русскаго гегельянства только въ томъ необыкновенномъ подъемѣ духа, который гегельянство сообщило поколѣнію сороковыхъ годовъ. Изъ броженія мысли, имъ созданнаго, вытекли два основныхъ русла русскаго самосознанія: западничество и славянофильство; гегельянство не только сообщило русской интеллигенціи то, чего ей прежде недоставало — опредѣленное міровоззрѣніе, но, что самое важное, оно создало неотложную потребность всегда имѣть какое нибудь міровоззрѣніе. А эта опредѣленность міровоззрѣнія была единственнымъ способомъ воздѣйствія на косность окружающей среды. Талантовъ было достаточно и до сороковыхъ годовъ. Но эти таланты по своимъ идеаламъ сливались съ толпой и потому поглощались ею и были без-

сильны окрасить ее въ свой цвѣтъ. Людей же сороковыхъ годовъ высота ихъ міровоззрѣнія сразу выдвинула надъ толпой, создался маякъ мысли, который далеко вокругъ бросалъ лучи свѣта. Прошло какихъ-нибудь 15 лѣтъ, и то, что вырабатывалось въ дружескихъ собраніяхъ ничтожнымъ количествомъ горсточки людей, оказало могущественнѣйшее вліяніе на весь ходъ огромной государственной машины, которая направилась теперь по путямъ, намѣченнымъ въ 40-хъ гг. кучкой гегельянцевъ. И вотъ въ этомъ одухотвореніи сѣраго фона русской жизни, въ этомъ созданіи высокаго строя мысли, въ силѣ и страстности стремленія привести въ соотвѣтствіе русскую дѣйствительность съ высшими потребностями культуры и заключается историческій смыслъ русскаго гегельянства, который, строго говоря, и не былъ никогда опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, который то прославлялъ «дѣйствительность», то нападалъ на нее, то былъ консервативенъ, то радикаленъ, то давалъ толчекъ къ преклоненію предъ Западомъ, то, напротивъ того, служилъ исходнымъ пунктомъ самаго исключительнаго національзма.

Провозвѣстникомъ гегельянства въ кружкѣ Станкевича явился по преимуществу Михаилъ Бакунинъ. Этому отставному артиллерійскому офицеру предстояло пріобрѣсть въ 60-хъ и 70-хъ годахъ всемірную извѣстность въ качествѣ самаго крайняго изъ самыхъ крайнихъ утопистовъ. Онъ создалъ теорію безпощаднѣйшаго анархизма и полнаго упраздненія государственности. Стоявшій въ то время во главѣ соціалистическаго движенія Карлъ Марксъ долженъ былъ прибѣгнуть къ исключенію Бакунина изъ главнаго органа партіи — «Международнаго общества рабочихъ» для того, чтобы устранить даже тѣнь солидарности съ этимъ апостоломъ всеобщаго разрушенія. Но по странной ироніи судьбы тотъ же Бакунинъ, который въ серединѣ 40-хъ годовъ, перебравшись въ Европу, выдвинулъ въ одной изъ своихъ статей страшный девизъ: «Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust» (страсть къ разрушенію есть зиждущая страсть), въ концѣ 30-хъ не только не имѣлъ ничего общаго съ разрушительными стремленіями, но прямо пришелъ къ апоѳеозу существующаго порядка. На основаніи Гегелевской философіи создалъ онъ теорію преклоненія предъ «дѣйстви-

тельностью» и увлекъ за собою кружокъ Станкевича, всѣхъ же сильнѣе—Бѣлинскаго.

Вопросъ о «дѣйствительности» и ея «разумности» является центральнымъ пунктомъ всей духовной жизни кружка Станкевича въ эпоху его увлеченія гегельянствомъ и это еще разъ доказываетъ, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ, которые, изучая движеніе 40-хъ годовъ, разсматриваютъ философскіе взгляды эпохи Бѣлинскаго исключительно съ научной точки зрѣнія. Не знаменательна ли въ самомъ дѣлѣ та исключительность, съ которою всѣ силы ума и сердца Бѣлинскаго и его друзей обратились на толкованіе положенія Гегеля: «*Все дѣйствительное—разумно*»,—положенія въ концѣ концовъ второстепеннаго, мимоходомъ высказаннаго въ предисловіи къ «Философіи Права». Если вы возьмете какую-нибудь позднѣйшую исторію философіи и прочтете статью о Гегелѣ, вы тамъ часто не встрѣтите даже простого упоминанія о формулѣ «все дѣйствительное — разумно» [1]). Вотъ до чего маловажной она кажется обыкновенному изслѣдователю рядомъ съ грандіозностью чисто научныхъ притязаній гегелевской философіи дать абсолютную истину о сущности всего мірового процесса. Но для русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, который накинулся на гегелевскую философію не изъ жажды научнаго знанія, а потому, что ему надо было немедленно рѣшить вопросъ, *какъ ему жить*, все отступило предъ жгучестью ужасныхъ сомнѣній, вносимыхъ формулой.

Сомнѣнія эти имѣли истинно-трагическій характеръ; формула въ корнѣ подрывала всѣ стремленія кружка, дѣлала безсмысленными всѣ его благородные порывы. Люди съ негодованіемъ отбросили всякую мысль о какихъ бы то ни было компромиссахъ, сосредоточили всѣ свои помыслы на исканіи абсолютной, безпримѣсной истины и этимъ самымъ, конечно, должны были порвать всякую связь съ пошлостью и несовершенствами окружающей среды, и вдругъ—«все дѣйствительное—разумно!» Значитъ, и крѣпостное право разумно, и превосходенъ весь тотъ строй, который возмущалъ еще Чацкаго, и

---

[1]) Укажу на цѣлую книгу о Гегелѣ Кэрда (М. 1898), на огромную статью-трактатъ Владиміра Соловьева въ „Энцикл. Словарѣ“ Брокгаузъ-Ефрона.

нѣтъ ничего дурного въ той «неправдѣ черной», о которой говорили даже такіе апологеты общаго уклада русской жизни, какъ Хомяковъ. Словомъ, правы Булгаринъ и Гречъ: «Громъ побѣды раздавайся, веселися, храбрый Россъ!»

Какъ бы отнеслись къ такому ужасному диссонансу люди, заинтересовавшіеся гегельянствомъ съ чисто научной точки зрѣнія? Они бы, конечно, спокойно отбросили или формулу, или всю систему, разъ она приводитъ къ противорѣчію, которое ставитъ крестъ надъ всѣмъ, что составляетъ основу ихъ духовнаго существа. Но въ томъ-то и дѣло, что члены кружка Станкевича не столько умомъ, сколько сердцемъ примкнули къ гегельянству, они гегельянство не только усвоили,—они въ него увѣровали. Ихъ въ гегельянствѣ прельстило его притязаніе дать *абсолютную* истину. А разъ абсолютная истина, какія же могутъ быть частныя противорѣчія?

И вотъ получилась дилемма, выходъ изъ которой былъ найденъ только чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда наши гегельянцы поняли, что Гегель, при всемъ консерватизмѣ своихъ спеціально-государственныхъ воззрѣній, *не все существующее признавалъ дѣйствительнымъ*. Слѣдовательно, формула «все *дѣйствительное* — разумно» не означаетъ, что «все *существующее* разумно» и не узаконяваетъ всякій порядокъ вещей только въ виду того, что онъ—фактъ. Но, повторяю, до этой оговорки наши гегельянцы доискались позже. Цѣлыхъ же два года, между 1838 и 1840 годомъ, будущій создатель анархизма Бакунинъ, вѣрный фанатическому складу своего ума и чисто-русской способности jurare in verba magistri,—во имя Гегеля воспѣвалъ «дѣйствительность» конца 30-хъ годовъ во всей ея совокупности. Бѣлинскій, не оглядываясь, пошелъ за нимъ. Онъ написалъ въ 1840 г. извѣстную статью о «Бородинской годовщинѣ», гдѣ преклоненіе передъ существующимъ порядкомъ вещей дошло до того, что многіе, и притомъ совсѣмъ не люди крайнихъ убѣжденій, съ нимъ раззнакомились. Статья была написана въ своего рода состояніи аффекта. Внутренно содрагаясь отъ сознанія, что обрекаетъ себя на нравственную смерть, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе безстрашно шелъ на все ad majorem Hegelii gloriam. Не доходить до конца для него было равносильно измѣнѣ. Именно по

поводу статьи о «Бородинской годовщинѣ», Герценъ говоритъ, что Бѣлинскій, разъ усвоивши себѣ то или другое воззрѣніе, «не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные. Въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искреленъ, его совѣсть была чиста». Понявши извѣстнымъ образомъ формулу Гегеля, онъ проповѣдывалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ «индійскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы», проповѣдывалъ съ тою же лихорадочною страстностью, съ какою чрезъ полтора - два года нападалъ на представителей квіетизма, и требовалъ активнаго противодѣйствія тяжелымъ общественнымъ условіямъ дореформенной эпохи.

Таковы общіе контуры русскаго гегельянства, столь мало имѣющіе общаго съ заправскою философіею. И эту же мало-научную и исключительно-жизненную окраску носятъ всѣ дальнѣйшія движенія русской теоретической мысли, вплоть до нашихъ дней. Послѣ Гегеля—французскіе утописты 40-хъ годовъ; въ 60-хъ годахъ — нѣмецкіе матеріалисты, Дарвинъ, Милль, Бокль; въ 70-хъ и 80-хъ годахъ—соціологія; въ наши дни — марксизмъ и идеализмъ, все это не болѣе какъ отправные пункты, отъ которыхъ идутъ самостоятельные *русскіе пути*. У насъ, какъ извѣстно, установился особый типъ критическихъ статей «по поводу», въ которыхъ собственно о самомъ произведеніи говорится весьма мало, а выясняются разные вопросы общественной жизни. Ну, вотъ и философскія системы Запада у насъ были не больше, какъ поводомъ къ выработкѣ чисто-русскихъ общественныхъ системъ. Такъ, умственное движеніе, напитавшееся идеями научнаго матеріализма и утилитаризма, въ результатѣ дало самое самоотверженное и великодушное изо всѣхъ русскихъ поколѣній—альтруистовъ 70-хъ годовъ; такъ, напротивъ того, прикрываясь эстетическимъ и философскимъ идеализмомъ, выступило на смѣну «кающемуся дворянству» 70-хъ годовъ черствое и неискреннее поколѣніе 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Возвращаясь опять къ эпохѣ Бѣлинскаго, отмѣчу еще то, что изъ одного и того же гегельянства вышли не только два такихъ непохожихъ теченія, какъ прославленіе «дѣйствительности» и на-

падки на нее, но и оба діаметрально-противоположныя міровоззрѣнія, борьба между которыми не кончилась до сихъ поръ: славянофильство и западничество. Ультра-національное, славяно-византійское ученіе Константина Аксакова, Кирѣевскаго и Хомякова брало многія схемы своихъ воззрѣній у Гегеля эпохи его возведенія прусско-протестантскаго строя 20-хъ годовъ въ перлъ созданія. Но, конечно, все это подверглось вполнѣ русской переработкѣ и только переработка и интересна для историка русской мысли, совершенно независимо отъ того, въ какомъ видѣ тутъ является подлинный, «научный» Гегель.

Изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ кружка Станкевича, послѣ того, какъ онъ оставилъ университетъ, кромѣ Бакунина, слѣдуетъ еще отмѣтить *Василія Боткина* [1]). Для средняго читателя это имя говоритъ очень мало. Въ лучшемъ случаѣ его знаютъ какъ автора «Писемъ объ Испаніи», произведенія уже по самому роду своему могущаго имѣть только второстепенное значеніе. И тѣмъ болѣе, что оригинальность «Писемъ» сильно заподозрѣна. А между тѣмъ, Василій Боткинъ имѣетъ безусловно серьезное значеніе въ исторіи новѣйшей русской литературы. Оно аналогично значенію Станкевича, съ тѣмъ только отличіемъ, что Станкевичъ въ одинаковой степени вліялъ и высотою нравственной своей личности, и своими замѣчательными интеллектуальными силами, между тѣмъ какъ Боткинъ оказывалъ вліяніе только въ сферѣ интеллектуальной своими замѣчательными познаніями по литературѣ и искусству и своимъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Кромѣ того, Станкевичъ повліялъ на весь кружокъ, а Боткинъ только на одного изъ членовъ его. Но за то этотъ одинъ былъ Бѣлинскій. Размѣръ вліянія виденъ изъ того, что когда въ 1857 году Дружининъ приступалъ къ ряду статей о Бѣлинскомъ, онъ собирался прямо заявить о первостепенномъ значеніи, которое имѣлъ Боткинъ для всего хода умственнаго развитія знаменитаго критика. Боткинъ поспѣшилъ отклонить отъ себя эту великую честь и просилъ

---

[1]) На Катковѣ я останавливаться не буду. Его значеніе относится къ послѣдующей эпохѣ.

Дружинина «какъ можно меньше говорить о какой-либо помощи, какую я могъ оказывать Бѣлинскому». Со свойственной ему скромностью Боткинъ прибавилъ: «И какъ можно мнѣ объ этомъ судить? Это дѣло посмертныхъ замѣтокъ, т. е. замѣтокъ обо мнѣ, когда я умру. Найдутся люди, которые теперь сочтутъ такого рода «извѣстія» за поползновенія съ моей стороны придать себѣ какое-то ничѣмъ не доказанное значеніе, а васъ за снисходительнаго compère. Нѣтъ, оставимъ лучше это дѣло. То время было то, что нѣмцы называютъ Sturm und Drang. Periode. Все въ насъ кипѣло и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, *которою была критика Бѣлинскаго*. Одинъ меньше, другой больше, но какъ теперь разберешь?» [1]).

Въ 1857 году дѣйствительно трудно было разобраться. Но двадцать лѣтъ спустя появилась въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ съ тѣхъ поръ ставшая знаменитою переписка Бѣлинскаго съ Боткинымъ и изъ нея вполнѣ ясно, что если «одинъ меньше» изъ членовъ кружка, а другой «больше» вліялъ на великаго выразителя умственнаго возбужденія 40-хъ годовъ, то именно «больше» вліялъ Боткинъ. И если признать Бѣлинскаго важнѣйшимъ явленіемъ эпохи, то и Василій Боткинъ, мало кому извѣстный и никѣмъ не читаемый, получаетъ крупное историческое значеніе. Оно зиждется на томъ, что Боткинъ былъ главнымъ посредникомъ между Бѣлинскимъ и западно-европейскимъ искусствомъ. Тонкое эстетическое чутье было, конечно, прирожденное у Бѣлинскаго, но въ постоянномъ общеніи съ Боткинымъ оно окрѣпло и возмужало. Ни съ кѣмъ Бѣлинскій не обмѣнивался такъ охотно мыслями по чисто-литературнымъ вопросамъ, какъ съ Боткинымъ. Въ личныхъ отношеніяхъ, никого Бѣлинскій не любилъ съ такою нѣжностью, какъ Боткина, который былъ для него живымъ воплощеніемъ иг-

---

[1]) Это замѣчательное мѣсто, важное какъ для характеристики Боткина, такъ и для характеристики Бѣлинскаго, совсѣмъ не обращало на себя вниманія изслѣдователей эпохи 40-хъ годовъ. Оно находится въ «Сборникѣ общ. вспомощ. нужд. литер. и ученымъ, XXV лѣтъ». (Спб. 1884 г.) стр. 500.

мецкой поэзіи, нѣмецкой музыки и всѣхъ вообще чисто-эстетическихъ эмоцій.

Въ своей личной литературной карьерѣ Боткинъ не процвѣлъ. Это очень поучительно и вполнѣ соотвѣтствуетъ основной чертѣ новѣйшей русской литературы, указаніемъ на которую, подобно катоновскому caeterum censeo, изслѣдователь долженъ заканчивать всякую характеристику литературнаго дѣятеля послѣднихъ 50—60 лѣтъ: для вліянія на русскаго читателя нужна прежде всего глубина убѣжденія, нужно явиться представителемъ опредѣленнаго міросозерцанія. У Боткина были обширныя познанія, недюжинный умъ, тонкій вкусъ, не было у него недостатка и во внѣшнихъ литературныхъ достоинствахъ. Но у него совсѣмъ не было желанія схватиться на жизнь и на смерть за свои убѣжденія, и во всемъ его духовномъ существѣ царилъ холодъ. Вотъ почему Боткинъ самъ по себѣ немногаго стоитъ и имѣетъ значеніе только какъ источникъ духовнаго возбужденія Бѣлинскаго. Приставьте къ скромному источнику свѣта большой блестящій рефлекторъ, и оба вмѣстѣ они будутъ бросать яркій свѣтъ на далекое разстояніе. Умеръ Бѣлинскій—и Боткинъ исчезаетъ изъ исторіи русской литературы. Исчезаетъ даже его личная привлекательность, столь неотразимо дѣйствовавшая на Бѣлинскаго, который былъ влюбленъ въ него, какъ въ женщину. Всегда сидѣвшій въ Боткинѣ эпикуреизмъ превращается въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ какую-то отвратительную холю тѣла и обжорство. Еще болѣе печальный оборотъ приняла духовная жизнь Боткина. Эстетизмъ въ немъ тоже превратился въ какую-то литературную гастрономію и общественное возбужденіе, наступившее послѣ крымской войны, не только не вызывало никакого сочувствія въ недавнемъ поклонникѣ французскихъ утопистовъ, а страшно его раздражало. Онъ не могъ простить 60-мъ годамъ ихъ пренебреженія къ искусству и въ своемъ брюзжаніи дошелъ до того, что въ разговорахъ съ знакомыми цензорами натравливалъ ихъ на репрессивныя мѣры. Такъ печально кончилъ (въ 1869 г.) другъ Бѣлинскаго, который въ ужасѣ перевернулся бы въ гробу, если бы до него дошло то письмо къ Фету, гдѣ Боткинъ съ полною атрофіей нравственнаго чувства повѣствуетъ о

своихъ «указаніяхъ» цензорамъ. Боткину было дано большое умственное богатство, но не было дано соотвѣтственнаго богатства душевнаго.

Перейдемъ теперь ко второму университетскому кружку. Онъ былъ менѣе многочисленъ, чѣмъ кружокъ Станкевича, и собственно это даже не былъ кружокъ. Просто два студента физико-математическаго факультета *Александръ Герценъ* и *Николай Огаревъ*, къ тому-же дальніе родственники, поступивъ въ университетъ, продолжали вести пламенную, романтическую дружбу, возникшую между ними, когда они еще были мальчиками. Изъ другихъ студентовъ чаще другихъ приходили къ друзьямъ и были душевно съ ними близки: *Сатинъ*, впослѣдствіи переводчикъ Шекспира, *Вадимъ Пассекъ* —рано умершій этнографъ, и *Кетчеръ*—медикъ по специальности, но страстный любитель литературы и тоже переводчикъ Шекспира, весельчакъ и остроумный maîre de plaisir московской литературной молодежи.

Вліяніе небольшого кружка Герцена и Огарева на литературу въ началѣ эпохи Бѣлинскаго было совершенно незначительно, но по чисто-внѣшнимъ причинамъ. Въ 1834 году Герценъ, вмѣстѣ съ Огаревымъ и Сатинымъ, были привлечены къ раздутой исторіи объ университетскихъ кандидатахъ, устроившихъ по случаю окончанія курса пирушку, во время которой пѣли антиправительственныя пѣсни. Ни Герценъ, ни Огаревъ участія въ пирушкѣ не принимали, и суровое наказаніе, постигшее дѣйствительныыхъ участниковъ, ихъ миновало. Но захваченныя при обыскѣ у нихъ бумаги показывали, что друзья очень интересуются французскими соціальными системами и особенно сенъ-симонизмомъ,—и этого было достаточно, чтобы признать ихъ виновными. Герценъ былъ сосланъ въ Пермь, Сатинъ въ Симбирскъ, Огаревъ, изъ вниманія къ его отцу, котораго въ то время разбилъ апоплексическій ударъ,—въ Пензу.

Только въ 1839 году Герценъ вернулся въ Москву и получилъ возможность принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ литературѣ. Его обширныя познанія, огромный умъ и замѣчательный, искрящійся блестками тончайшаго остроумія, литературный талантъ не замедлили обратить на него вниманіе. Тѣмъ не менѣе, ознаком-

леніе съ Герценомъ только эпизодически должно входить въ исторію литературы сороковыхъ годовъ. Герценъ входитъ, главнымъ образомъ, въ исторію литературы слѣдующей эпохи, конца 50-хъ годовъ, когда онъ достигъ безпримѣрнаго вліянія и значенія, когда къ словамъ его съ одинаковымъ волненіемъ и съ одинаковою симпатіею прислушивались во всѣхъ слояхъ русскаго общества, не исключая дворцовъ и министерскихъ совѣтовъ.

Въ 40-хъ годахъ дѣятельность Герцена, писавшаго подъ псевдонимомъ *Искандера*, была тоже очень замѣтна, но, все-таки, не такъ, какъ впослѣдствіи. Она выразилась въ рядѣ блестяще-написанныхъ статей, протестовавшихъ противъ той науки, которая замыкается въ себѣ и создаетъ только цеховыхъ ученыхъ. Наука должна воздѣйствовать на жизнь, должна идти навстрѣчу разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ современности. Кромѣ статей философско-критическаго характера, Герценъ въ 40-хъ годахъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній, иногда недостаточно художественно-законченныхъ, но всегда вдумчивыхъ и проникнутыхъ серьезнымъ убѣжденіемъ. Особенное впечатлѣніе произвела небольшая повѣсть «Сорока-воровка», съ ея косвеннымъ осужденіемъ крѣпостного права, и романъ «Кто виноватъ». Романъ ставилъ, хотя и не разрѣшалъ ни въ ту, ни въ другую сторону вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ и правахъ сердца свободно любить. Въ лицѣ же героя романа—Бельтова, было очерчено, кромѣ того, трагическое положеніе русскаго человѣка съ высшими потребностями, не имѣющаго возможности приложить свои силы къ общественной дѣятельности и принужденнаго всю жизнь скитаться безъ опредѣленной цѣли.

Во внутренней жизни русской передовой интеллигенціи 40-хъ годовъ Герценъ, еще не обрисовавшійся во всю свою величину для читающей публики, сразу пріобрѣлъ не меньше значенія, чѣмъ впослѣдствіи. Болѣе всѣхъ онъ содѣйствовалъ отрѣшенію отъ узкаго пониманія гегельянства, какъ апоѳеоза всякаго существующаго явленія. Когда въ 1839 году Герценъ вернулся въ Москву, онъ засталъ теорію преклоненія предъ разумностью всякой «дѣйствительности» во всемъ ея бѣснованіи и ужаснулся. Чтобы бороться съ привержен-

цами этой теоріи ихъ же собственнымъ оружіемъ, онъ засѣлъ за Гегеля и со свойственнымъ ему блескомъ способностей быстро освоился какъ съ самымъ Гегелемъ, такъ и съ его школою. Школа Гегеля тогда уже начинала распадаться на консервативное, *правое* гегельянство и гегельянство *лѣвое*, давшее вскорѣ дѣятелей въ родѣ Карла Маркса. Герценъ явился провозвѣстникомъ этого лѣваго гегельянства и пришелъ къ выводамъ діаметрально-противоположнымъ тѣмъ, которые завладѣли умомъ и сердцемъ членовъ кружка Станкевича. Произошла жестокая схватка съ Бѣлинскимъ и молодые люди, горячо полюбившіе другъ друга, разошлись. Бѣлинскій, глубоко потрясенный, уѣхалъ въ Петербургъ. Но прошелъ годъ съ небольшимъ, сомнѣнія, брошенныя Герценомъ, взошли въ чуткомъ сердцѣ Бѣлинскаго, онъ трезво взглянулъ на неприглядную «дѣйствительность», и когда въ 1841 году друзья свидѣлись, между ними уже не было разногласій и они пошли, рука объ руку, по пути выработки новой общественной программы.

Другъ Герцена—Огаревъ всецѣло напоминаетъ Станкевича. Человѣкъ скромный, хотя и полный вѣры въ великое призваніе, тихій и застѣнчивый, Огаревъ неотразимо дѣйствовалъ на всякаго, кто былъ чутокъ къ душевной красотѣ. Вокругъ него всегда создавался особый «Огаревскій культъ», въ его присутствіи люди, какъ въ общеніи со Станкевичемъ, становились лучше и чище. Но не только высокимъ строемъ своего нравственнаго существа выдѣлялся Огаревъ. Человѣкъ обширнаго, энциклопедическаго образованія, онъ оказывалъ сильное вліяніе на своихъ друзей и умственнымъ богатствомъ своимъ. Мало продуктивный въ печати, онъ благотворно вліялъ личной бесѣдой, дѣлясь богатымъ запасомъ своихъ знаній, давая широкія обобщенія, высказывая яркія мысли и притомъ часто въ очень яркихъ образахъ. Какъ поэтъ онъ въ разсматриваемую эпоху обрисовался вполнѣ, хотя нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній его написаны въ 50-хъ годахъ. Рано опредѣлились основныя черты почти безпричинно-меланхолической, женственно-мягкой музы Огарева. Его лирѣ, можетъ быть, самой нѣжной во всей русской поэзіи, были совершенно чужды мужественные аккорды. И это находится въ странномъ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями

Огарева, всегда крайними и рѣшительными. Поэзія Огарева, всю жизнь составлявшаго предметъ неусыпнаго вниманія надзирающихъ вѣдомствъ и съ конца 50-хъ годовъ ставшаго однимъ изъ главарей русской эмиграціи, поражаетъ почти полнымъ отсутствіемъ элемента протеста. Тихая грусть о прошедшемъ и разбитомъ счастьѣ, искреннѣйшее чувство всепрощенія и того, что̀ на жаргонѣ 40-хъ годовъ называлось «резиньяціей»,—вотъ наиболѣе характерныя черты творчества Огарева. Въ пензенской ссылкѣ своей Огаревъ написалъ стихотвореніе «Друзьямъ», гдѣ затронуто постигшее ихъ несчастіе. Кого бы не озлобила несправедливая кара? На Герцена она такъ и подѣйствовала, укрѣпивъ въ немъ протестующее настроеніе. У Огарева-же вотъ чѣмъ заканчивается картина крушенія лучшихъ надеждъ:

Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же—
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся безъ желчи, если можемъ.

II.

Мы ознакомились съ тѣми дѣятелями разсматриваемаго періода, которые примыкали къ московскимъ студенческимъ кружкамъ. Объ остальныхъ дѣятеляхъ эпохи удобнѣе будетъ сказать въ связи съ очеркомъ литературно-общественныхъ партій, образовавшихся въ началѣ 40-хъ годовъ. Борьба этихъ партій составляетъ главное содержаніе эпохи Бѣлинскаго, эпохи теоретической выработки міросозерцанія по преимуществу, такъ какъ чисто-художественныя силы новаго поколѣнія проявились только въ самомъ концѣ эпохи.

Окончательное выдѣленіе литературно-*общественныхъ* партій произошло около 1842—3 года. Я подчеркиваю слово *общественныхъ*, потому что это было явленіе совсѣмъ новое. Еще какихъ-нибудь пять, десять лѣтъ тому назадъ литература наша, какъ явленіе общественное, представляла собою одну почти однородную массу и совсѣмъ не знала отличій, основанныхъ на разницѣ общественнаго міросозерцанія. Въ журналистикѣ были личныя дрязги, господство-

вали личныя симпатіи и антипатіи, шла борьба чисто-художественныхъ стилей, какъ напр., та борьба, которую засталъ Бѣлинскій—между классицизмомъ и романтизмомъ. Разницы же общественно-политическихъ идеаловъ почти не было. Этимъ, между прочимъ, слѣдуетъ объяснить, почему преклоненіе предъ «*дѣйствительностью*» могло съ такою силою захватить «неистовую», по существу, душу Бѣлинскаго.

Но въ сороковыхъ годахъ литературу и журналистику уже никакъ нельзя было назвать однородною массою. Образовались три рѣзко намѣченныя партіи, нерѣдко сходившіяся въ чисто-литературномъ отношеніи (славянофилы и западники, напримѣръ, одинаково восторженно относились къ Гегелю), но совершенно расходившіяся въ указаніи тѣхъ путей, по которымъ каждая изъ партій хотѣла направить исторію русской гражданственности. Двѣ изъ этихъ партій еще въ сороковыхъ годахъ получили названія *славянофильства* и *западничества*, третья не имѣла опредѣленнаго названія въ 40-хъ годахъ, не смотря на полную опредѣленность своей духовной физіономіи, и только позднѣе, въ 70-хъ годахъ, А. Н. Пыпинъ весьма удачно назвалъ ее партіей *оффиціальной народности*.

Партія *оффиціальной народности* состояла изъ печальной памяти тріумвирата — Булгарина, Греча и Сенковскаго въ Петербургѣ и дуумвирата—Погодина и Шевырева въ Москвѣ. Первые три имѣли въ своемъ распоряженіи пресловутую газету «Сѣверную Пчелу» и «Библіотеку для Чтенія», послѣдніе издавали «Москвитянинъ». Имѣя очень много общаго между собою, московскіе представители теоріи оффиціальной народности въ нравственномъ отношеніи стояли, все-таки, гораздо выше своихъ петербургскихъ братьевъ по духу. Въ петербургскомъ тріумвиратѣ тоже нужно отдѣлить Сенковскаго отъ Греча, а Греча отъ Булгарина.

Булгаринъ представлялъ собою нѣчто крайне-антипатичное со *всѣхъ* точекъ зрѣнія. Онъ громко кричалъ о своей преданности тріадѣ: самодержавіе, православіе и народъ, но эта мнимая преданность по существу была только угодничествомъ самаго низменнаго свойства и вызывала брезгливое чувство даже въ тѣхъ сферахъ, предъ которыми пресмыкался Булгаринъ. Можно ли было вѣрить въ

искреннюю преданность православію этого недавняго католика, можно ли было допустить искреннее увлеченіе идеею русской народности въ полякѣ, сражавшемся подъ знаменами Наполеона? Наконецъ, «двойной присягою играя», Булгаринъ преклонялся и предъ самодержавіемъ искючительно какъ предъ власть имущею силою. До декабрьской катастрофы онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ кружкомъ Рылѣева, и если даже ничего не зналъ о заговорѣ, то. все-таки, вполнѣ раздѣлялъ конституціонныя идеи декабристовъ. Теперь же онъ выражалъ свою преданность невѣроятно холопскимъ языкомъ, который своимъ азіятскимъ пресмыкательствомъ, напоминающимъ какую-нибудь Бухару или Коканъ, глубоко возмущалъ рѣшительно всѣхъ и всего болѣе людей, искренно преданныхъ идеѣ монархической власти. Императоръ Николай, который не любилъ грубой лести, былъ весьма невысокаго мнѣнія о редакторѣ «Сѣверной Пчелы». Въ области чисто-литературной Булгаринъ былъ представителемъ самаго грубаго вкуса. Этотъ позорный руководитель значительной части такъ называемой средней публики 40-хъ годовъ самымъ искреннимъ образомъ приравнивалъ Гоголя Поль-де-Коку. И въ довершеніе Булгаринъ былъ мелко-продаженъ, писалъ грубыя рекламы гостиницамъ, гдѣ его даромъ кормили, и купцамъ, приносившимъ его домашнимъ по куску матеріи. Для характеристики публики, довольствовавшейся газетой Булгарина и изъ нея черпавшей представленіе о государственной жизни Россіи и Европы, слѣдуетъ прибавить, что общій уровень «Сѣверной Пчелы», помимо пошлости и пресмыкательства, поражаетъ своею мелкотою. Самыя крупныя явленія государственной жизни оставались внѣ обсужденія единственной ежедневной русской газеты, что, впрочемъ, Булгарину нельзя вмѣнять особенно въ вину. Когда онъ однажды, по поводу одного правительственнаго распоряженія. воспѣлъ ему самый восторженный дифирамбъ, то получилъ за это серьезное внушеніе. «Правительство въ твоихъ похвалахъ не нуждается», сказалъ ему начальникъ третьяго отдѣленія Дубельтъ, обращавшійся съ главнымъ представителемъ тогдашняго «общественнаго мнѣнія», какъ теперь не обращаются съ лакеемъ. «Театръ, выставки, гостиный дворъ, толкучка, трактиры, кондитерскія—вотъ твоя область, а дальше ея не моги ни шагу».

Второй представитель партіи «оффиціальной народности», соиздатель «Сѣверной Пчелы»—*Гречъ*, былъ и чистоплотнѣе, и образованнѣе Булгарина. Но педантъ по преимуществу, и человѣкъ съ весьма мелкимъ кругозоромъ, совершенно неспособный слѣдить за духомъ времени и застывшій на литературныхъ традиціяхъ 20-хъ годовъ, онъ не вносилъ въ газету ничего такого, что бы хоть сколько-нибудь возвышало ея низменный уровень. Поэтому его имя въ исторіи русской литературы не отдѣляется отъ имени Булгарина и оба вмѣстѣ они являются синонимомъ крайнихъ предѣловъ сервильности и литературной пошлости.

Третій членъ петербургскаго тріумвирата, одно время мечтавшаго монополизировать въ своихъ рукахъ всю русскую печать, — *Сенковскій-Брамбеусъ* имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы стать первостепеннымъ дѣятелемъ. Человѣкъ замѣчательной и разносторонней учености, писатель безспорнаго таланта и выдающагося остроумія, Сенковскій придавалъ интересъ каждому изъ тѣхъ разнообразныхъ сюжетовъ, которыхъ онъ касался въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ лишенъ всякаго опредѣленнаго міросозерцанія и всякихъ идеаловъ. Онъ смѣялся ради смѣха. И оттого, въ концѣ концовъ, его недюжинное остроуміе было не что иное, какъ кувырканіе, производимое единственно для того, чтобы вызвать рукоплесканія толпы. Даже въ серьезныхъ статьяхъ его часто нельзя было отличить, говоритъ ли онъ серьезно или мистифицируетъ. Объ искренней преданности идеѣ русской оффиціальной народности со стороны этого польскаго Мефистофеля смѣшно было и говорить. Единственно, что въ немъ было искренняго,—это презрѣніе къ русской публикѣ и непониманіе новаго литературнаго движенія. Послѣднее находило себѣ еще органическую поддержку въ томъ, что Сенковскій, при всей своей разносторонней образованности и талантливости, былъ лишенъ эстетическаго вкуса. Гоголя онъ не понималъ вполнѣ искренно и фольга Кукольника ему не на шутку казалась настоящимъ литературнымъ золотомъ.

Для разсматриваемаго нами періода Сенковскій, впрочемъ, не имѣетъ особеннаго значенія. Эпоха блестящаго его успѣха—это средина 30-хъ годовъ. Публика, привыкшая къ тощимъ журналамъ

того времени, съ одной стороны была ошеломлена прекрасно-обставленнымъ литературнымъ матеріаломъ толстыхъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія», а съ другой ей нравилось язвительное остроуміе барона Брамбеуса. Но успѣхъ былъ непродолжителенъ и въ концѣ 30-хъ годовъ толщина книжекъ «Библіотеки для Чтенія» никого уже не ошеломляла, потому что и другіе журналы послѣдовали примѣру «Библіотеки», а пряность лишеннаго внутренняго содержанія хихиканія Брамбеуса пріѣлась.

Московскіе представители теоріи оффиціальной народности—Погодинъ и Шевыревъ, какъ явленіе нравственнаго порядка, стояли гораздо выше своихъ петербургскихъ соратниковъ. *Погодинъ* представлялъ собою удивительную смѣсь чертъ крайне несимпатичныхъ съ дѣтскою простотою и добродушіемъ. Человѣкъ болѣе чѣмъ себѣ на умѣ, сумѣвшій продать за 150,000 р. свое знаменитое «древлехранилище», составившееся изъ добровольныхъ пожертвованій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ часто очень непрактиченъ. Самъ эксплоатируя своихъ сотрудниковъ и даже слушателей—студентовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко давалъ и себя эксплоатировать. По политическимъ воззрѣніямъ своимъ это былъ опортюнистъ по преимуществу. Онъ преклонялся передъ всякою силою. Такъ, лишь только вѣянія измѣнились съ наступленіемъ новаго царствованія, и Погодинъ заговорилъ о необходимости «обновленія» того самаго порядка вещей, предъ которымъ столь недавно преклонялся такъ безусловно. До Севастополя Погодинъ былъ типичный представитель увѣренности, что мы Европу шапками закидаемъ, послѣ Севастополя все это какъ рукой сняло и въ извѣстныхъ застольныхъ спичахъ 1857 года голосъ Погодина звучалъ въ унисонъ съ общимъ самообличительнымъ тономъ. Отправившись за границу, Погодинъ даже постарался имѣть свиданіе съ Герценомъ, съ которымъ онъ, конечно, спорилъ объ очень многомъ, но который, все-таки, въ эпоху своего огромнаго вліянія инстинктивно притягивалъ къ себѣ его искренно-угодливую натуру. А какъ только кончился медовый мѣсяцъ россійскаго прогресса, сошло и съ Погодина необычное настроеніе, и сталъ онъ снова представителемъ «патріотизма» охотнорядскаго пошиба. Въ разсматриваемую эпоху «направленіе» Погодина сводилось къ тому.

что онъ славословилъ безъ всякихъ оговорокъ. Личный другъ славянофиловъ, Погодинъ, однако, крайне враждебно относился къ тѣмъ сторонамъ славянофильскаго ученія, гдѣ славословіе переходило въ демократизмъ. Апологія общиннаго и соборнаго начала, вражда къ чиновничеству—вся эта оппозиціонная часть славянофильскаго ученія находила въ Погодинѣ суроваго порицателя. Онъ желалъ быть только пріятнымъ. Но, повторяю, въ этомъ желаніи было много чисто-инстинктивнаго, рождавшагося въ душѣ Погодина почти непроизвольно. Въ квасномъ патріотизмѣ Погодина, въ его прославленіи всего «русскаго», начиная съ русскихъ формъ государственной жизни и кончая тульскими самоварами и московскими калачами, было, помимо желанія угодить, и много искренности, искренности, правда, очень наивной и смѣшноватой, но все-таки неподдѣльной. И вотъ почему у Бѣлинскаго и его друзей не было даже особенной охоты съ нимъ серьезно спорить. Его больше вышучивали и пародировали.

Шевыревъ былъ человѣкъ иного душевнаго склада. Во многихъ отношеніяхъ онъ стоялъ выше своего соиздателя и товарища по профессурѣ. Ни грубымъ карьеристомъ, ни человѣкомъ себѣ на умѣ его нельзя было назвать. Интересы духовные въ немъ преобладали. Образованіе онъ имѣлъ хорошее, спеціальныхъ знаній у него тоже было много, какъ по исторіи всеобщей, такъ и по исторіи русской литературы и нѣкоторыя его работы не утратили своего значенія до сихъ поръ. Какъ профессоръ онъ, во всякомъ случаѣ, будилъ мысль стремленіемъ къ широкимъ обобщеніямъ и желаніемъ создать опредѣленное міросозерцаніе. Вотъ почему въ началѣ и срединѣ тридцатыхъ годовъ онъ пользовался симпатіями лучшей части студенчества, на-ряду съ Павловымъ и Надеждинымъ, и былъ представителемъ новаго теченія университетскаго преподаванія. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ вся его дѣятельность приняла совсѣмъ иное направленіе. Педантизмъ взялъ верхъ надъ возбужденностью первыхъ лѣтъ профессорства. И такъ какъ живого пониманія у Шевырева не было, то онъ всегда терялъ чувство мѣры, но терялъ его не въ порывѣ страстнаго увлеченія, а именно какъ педантъ, потому что искусственно взбадривалъ себя. Въ его хватаніяхъ чрезъ край никогда не

чувствовалось глубокой вѣры, а всегда явственно проступала напыщенная надутость. Это онъ, главнымъ образомъ, довелъ теорію «смиренія», какъ главной исторической черты русскаго народа, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ она является полнымъ искаженіемъ реальныхъ очертаній дѣйствительной исторической жизни. Это онъ главнымъ образомъ, а не славянофилы, какъ обыкновенно думаютъ, провозглашалъ, что «Западъ сгнилъ». Не было у него также непосредственнаго живого пониманія искусства и, за исключеніемъ обусловленнаго личною пріязнью «гоголефильства», всѣ его литературныя сужденія не имѣютъ никакого значенія. Воображая себя глубокимъ цѣнителемъ всѣхъ родовъ искусства и литературы, Шевыревъ на самомъ дѣлѣ былъ совершенно лишенъ эстетическаго вкуса и наговорилъ много такого, что прямо стало образчикомъ педантической напыщенности и безвкусицы. Добродушія, отчасти примирявшаго съ Погодинымъ, у него не было и тѣни. Шевыревъ былъ злой самолюбецъ, никогда не прощавшій, если его задѣвали, всегда вносившій во всякую полемику самое тяжелое раздраженіе. Отъ него нельзя было отдѣлаться однимъ вышучиваніемъ и пародированіемъ, какъ это дѣлалось по отношенію къ Погодину, надо было вести съ нимъ споръ серьезно. И такъ какъ онъ, защищая свое міросозерцаніе, ничѣмъ не былъ стѣсненъ и имѣлъ полную возможность выдвинуть весь свой запасъ аргументовъ и нападокъ, между тѣмъ какъ противники вынуждены были еле-еле намѣчать свои доводы въ самыхъ общихъ и неясныхъ очертаніяхъ, то и они, въ свою очередь, не могли не быть раздражены. Все это сдѣлало Шевырева предметомъ страстныхъ нападокъ Бѣлинскаго и его друзей. Изъ всѣхъ представителей теоріи «оффиціальной народности» только съ нимъ однимъ и стоило спорить: Булгаринъ былъ слишкомъ омерзителенъ, Гречъ слишкомъ мелокъ, Сенковскій выдохся, Погодинъ былъ забавенъ по-преимуществу и только борьба съ Шевыревымъ доставляла наслажденіе побѣды.

Вторая литературно-общественная партія, выдѣлившаяся въ 40-хъ годахъ и унаслѣдовавшая насмѣшливую кличку «славянофиловъ» (нѣкогда данную карамзинистами защитнику «стараго слога» Шишкову), выставила на своемъ знамени ту же формулу, во имя которой дѣйствовала партія «оффиціальной народности»: самодержавіе, право-

славіе и народъ. Но въ пониманіи элементовъ этой формулы славянофилы настолько разошлись не только съ Булгаринымъ и Гречемъ, но и съ Шевыревымъ и Погодинымъ, что смѣшивать обѣ партіи воедино прямо оскорбительно для идеально-высокаго настроенія, изъ котораго вытекло славянофильство. То, что у Булгарина и Греча было результатомъ грубаго пресмыкательства и угодничества, у Погодина опортюнизмомъ, у Шевырева надутой напыщенностью, у славянофиловъ было проявленіемъ глубокаго одушевленія идеею. Всѣ люди богатые, неслужащіе, вполнѣ независимые, они не руководились никакими практическими разсчетами и дѣйствовали во имя искренняго убѣжденія, что въ исполненіи ихъ программы залогъ величайшаго преуспѣянія Россіи.

По личнымъ, вообще, качествамъ своимъ, славянофилы были люди столь же высокаго душевнаго строя, какъ и ихъ противники. Еще о *Хомяковѣ* можно было бы спорить. Въ искренность этого падкаго на эффекты неутомимаго спорщика и человѣка, любившаго щегольнуть блескомъ своего ума, не всѣ вѣрили. Но *братья Кирѣевскіе*, *Самаринъ*, а въ особенности «Бѣлинскій славянофильства»—*Константинъ Аксаковъ*—все это были истинные рыцари духа, благороднѣйшіе идеалисты, въ уваженіи къ которымъ сходились люди всѣхъ направленій.

Преданность славянофиловъ идеѣ самодержавія вытекала изъ ихъ убѣжденія, что русскій народъ по природѣ своей чуждъ «политическаго элемента», что онъ «отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ». И только потому, что русскій народъ «*не желаетъ* государствовать, онъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную».

Въ этой теоріи происхожденія русскаго государства, являющейся отголоскомъ старой, созданной Гуго Гроціемъ, теоріи договорнаго возникновенія государства, первостепенное значеніе имѣетъ то, что русскій народъ не потому отказался отъ «государствованія», что не можетъ быть носителемъ власти, а только потому, что онъ *не хочетъ*. Тутъ, слѣдовательно, существеннѣйшее отличіе отъ обычной теоріи спасительности монархіи, зиждущейся на необходимости сильной власти, какъ единственнаго средства обуздать пагубное свое-

воліе. Нѣтъ, славянофилы были необыкновенно высокаго мнѣнія о нравственныхъ качествахъ русскаго народа и всего менѣе думали, что онъ нуждается въ сильной власти и обузданіи. Славянофилы мистически поклонялись народу и видѣли въ немъ не звѣря, а богоносца.

Ради чего-же русскій народъ совершенно отстранилъ отъ себя дѣла міра сего и не хочетъ государствовать? Что взялъ онъ себѣ въ замѣнъ?

«Въ замѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа».

На этихъ началахъ и зиждется единственное истинно-русское пониманіе основъ нашего государственнаго уклада:

«Правительству—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа—мысли и слова».

Какъ сейчасъ было сказано, русскій народъ, по славянофильскому ученію, только потому отказался государствовать, что не хочетъ. Но это не значитъ, что онъ не интересуется ходомъ государственной жизни. Напротивъ того, онъ внимательно за нею слѣдитъ и имѣетъ о ней сужденіе, которое правительствомъ непремѣнно должно быть выслушано. «Самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству—свое мнѣніе (слѣдовательно, силу чисто-нравственную), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять».

Но «какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?»

Отвѣтъ даетъ русская исторія:

«Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *Земскіе Соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи».

Земскіе Соборы, однако, не то, что западно-европейскіе парламенты:

«Земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, которое государь можетъ принять и не принять».

Однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ выраженія мнѣнія народа славянофилы считали свободу слова, о которой никто въ русской литературѣ не говорилъ съ такимъ чисто-экстатическимъ воодушевленіемъ, какъ они. Для партіи западнически-передовой убѣжденіе въ необходимости свободы слова было понятіемъ настолько азбучнымъ, что не являлось даже и воодушевленія для доказательства такого трюизма. Славянофилы же, особенно побуждаемые еще и тѣмъ, что въ глазахъ многихъ они сливались въ одно представленіе съ Булгаринымъ и Гречемъ, всѣми силами старались очиститься отъ такого позорнаго смѣшенія и это придавало имъ энтузіазмъ въ проповѣди самыхъ элементарныхъ принциповъ гражданской жизни. Самымъ пламеннымъ въ русской поэзіи прославленіемъ свободы печати, хотя и не въ блещущей художественными достоинствами формѣ, является стихотвореніе Константина Аксакова „Свободное Слово“:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,—
Свободное слово.

Лишь духу власть духа дана,—
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ—опасно одно
Свободное слово.

Отрады властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово.

О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Младшій братъ Константина Аксакова — Иванъ впослѣдствіи явился не только пламеннымъ теоретическимъ провозвѣстникомъ принципа свободы печати, но и борцомъ за практическое примѣненіе его къ дѣйствительности. Восторженно преданный существующему порядку въ его *основныхъ* чертахъ, но преданный „безъ лести“, онъ, во имя свободы мнѣнія и слова, не стѣснялся съ полною правдивостью высказываться, когда дѣйствія администраціи его не удовлетворяли, и это привело къ тому, что онъ извѣдалъ всю тяжесть обычныхъ и экстраординарныхъ цензурныхъ мѣръ. Вообще изъ-за непоколебимаго желанія говорить всегда то, что они думали, славянофилы длинный рядъ лѣтъ не могли имѣть своего собственнаго журнала, что не могло имъ, однако, помѣшать выразить всю полноту своихъ чувствъ въ интимныхъ собраніяхъ своего кружка, въ дружеской перепискѣ и въ черновыхъ тетрадяхъ. Приведенное сейчасъ стихотвореніе Константина Аксакова нашлось только въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ и напечатано только въ 1880 г., четверть вѣка послѣ того, какъ было написано.

Не для печати также назначалъ другой главарь славянофильства Хомяковъ свое стихотвореніе „Россіи“, чрезвычайно важное для характеристики славянофильскаго ученія, въ одно и то же время и полнаго величайшей преданности основнымъ элементамъ русской государственной жизни, и открывающаго широкое поле дѣйствій критикѣ ея недостатковъ. Стихотвореніе написано въ 1854 г., когда только что начиналась Севастопольская кампанія, когда еще всѣ были убѣждены, что мы Европу шапками закидаемъ. И вотъ въ этотъ моментъ полнаго разгула шовинизма и, самъ призывая „страну родную“ „встать за братьевъ“—славянъ и идти

Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ,

поэтъ ни на одну минуту не забываетъ горькой правды и, рисуя картину внутреннихъ непорядковъ нашихъ съ рѣзкостью библейскаго пророка, говоритъ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи притворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

Послѣ сказаннаго о глубокой преданности славянофиловъ идеѣ полной свободы мысли и слова, само собою ясно, какъ они должны были понимать второй членъ символа своей вѣры: православіе. Славянофилы были восторженные апологеты христіанства въ томъ видѣ, въ какомъ оно кристаллизовалось въ восточномъ православіи первыхъ вѣковъ. Но и въ эту восторженную любовь, свободно создавшуюся въ ихъ умахъ и сердцахъ не потому, что православіе было господствующею формою религіи, а потому, что они видѣли въ немъ воплощеніе лучшихъ идеаловъ человѣчества, славянофилы вносили такую же свободу духа, какъ и въ политическую часть своей программы. Ихъ девизомъ было православіе съ полнымъ господствомъ соборнаго начала, съ широкимъ участіемъ паствы въ жизни церкви, съ безусловною терпимостью по отношенію къ инославнымъ, съ полнымъ устраненіемъ принужденія со стороны свѣтской власти и, наконецъ, съ полною свободою изслѣдованія. Изъ-за послѣдняго славянофилы свои богословскіе трактаты вынуждены были печатать за границею.

Третій членъ общаго у славянофиловъ съ партіей „оффиціальной народности" символа вѣры—принципъ народности въ исторіи славянофильскаго ученія занимаетъ особое мѣсто, потому что изъ всѣхъ трехъ основъ славянофильскаго міровоззрѣнія только одинъ этотъ

пунктъ, по условіямъ времени, и могъ быть предметомъ сколько-нибудь детальнаго разсмотрѣнія. Такое исключительное вниманіе внесло столько полемическаго задора и партійныхъ преувеличеній, что достигнуть вполнѣ точной формулировки воззрѣній славянофиловъ на принципъ народности чрезвычайно трудно. Западники неизмѣнно упрекали славянофиловъ въ томъ, что они принципъ народности, самъ по себѣ вполнѣ естественный и законный, превратили въ принципъ національной исключительности. Славянофилы горячо противъ этого протестовали и говорили о клеветѣ, а Иванъ Аксаковъ даже о невѣжествѣ и полномъ незнакомствѣ противниковъ съ сущностью ученія. И дѣйствительно, въ славянофильской литературѣ можно какъ будто найти не одно опроверженіе того, что партія была проникнута національною исключительностью. Не Хомяковъ ли говорилъ о Западѣ, какъ о „странѣ чудесъ", не славянофилы ли придавали такое огромное значеніе христіанству, началу, во всякомъ случаѣ, иноземному, и не они-ли, наконецъ, всегда взывали къ „*обще*-человѣческимъ" началамъ, какъ такимъ, которыя должны лечь въ основу русской гражданственности? Но въ томъ-то и дѣло, что въ пониманіе этихъ общечеловѣческихъ началъ и вносили славянофилы крайнюю исключительность, утверждая, что „міръ не видалъ еще того общечеловѣческаго, какое явитъ русская великая славянская, и именно русская природа". Не отрицая, конечно, иноземнаго происхожденія христіанства, славянофилы, устами наиболѣе горячаго изъ своихъ провозвѣстниковъ—Константина Аксакова прямо утверждали, что „исторія русскаго народа есть *единственная* во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но и по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни".

Дальше, конечно, трудно идти въ исключительности, хотя она и вытекала изъ уваженія къ общечеловѣческому.

Какъ бы то ни было, однако, даже въ этихъ своихъ проявленіяхъ славянофильская исключительность не имѣла ничего общаго съ грубымъ и эгоистичнымъ „патріотизмомъ" не только Булгарина и Греча, но и Погодина и Шевырева, видѣвшихъ величіе Россіи только во внѣшнемъ блескѣ и могуществѣ. Славянофиламъ русскія

начала были дороги не только потому, что они свои, родныя, а потому, что они вполнѣ искренно казались имъ лучшими въ мірѣ, и въ торжествѣ русскихъ „особенностей“ они видѣли торжество общечеловѣческихъ идеаловъ. Нежеланіе мѣшаться въ дѣла міра сего, чтобы не отвлекаться отъ духовнаго совершенствованія, и въ связи съ этимъ общинное и артельное начало въ сферѣ экономическихъ отношеній—вотъ тѣ „особенности“, на основѣ которыхъ славянофилы мечтали создать русскую „самобытность“. Такая „самобытность“, по убѣжденію славянофиловъ, вполнѣ отвѣчаетъ идеаламъ русскаго *народа* въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. народа не въ смыслѣ націи, а понимая подъ народомъ простого, сѣраго мужика.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что у всякаго, кто ознакомится съ славянофильствомъ по сейчасъ данному очерку его, неизбѣжно зародится вопросъ: почему же это міровоззрѣніе, въ большинствѣ существеннѣйшихъ частей своихъ столь приближавшееся къ лучшимъ и важнѣйшимъ пунктамъ міросозерцанія западниковъ, міровоззрѣніе, истинно демократическое и проникнутое дѣйствительнымъ, непритворнымъ желаніемъ поставить во главѣ всѣхъ государственныхъ интересовъ интересы народа, почему оно вызывало со стороны западниковъ столько ожесточенія? Можно было спорить, можно было упрекать въ наивности, въ идеализаціи многихъ факторовъ русской исторической жизни, самихъ по себѣ весьма грубыхъ, но почему надо было вести этотъ споръ съ такимъ ожесточеніемъ? Вспомнимъ глубоковѣрное замѣчаніе Герцена: «У нихъ (славянофиловъ) и у насъ (западниковъ) запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. Мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно». Вспомнимъ, затѣмъ, эпоху великихъ реформъ, когда славянофилы такъ прекрасно себя вели, энергически защищая общинное землевладѣніе, отстаивая крестьянскую реформу въ наиболѣе ея широкихъ предположеніяхъ и столь же горячо поддерживая всѣ остальныя начинанія новой эпохи: гласный судъ, самоуправленіе, свободу печати и т. д.

Отвѣтъ надо искать исключительно въ тяжелыхъ условіяхъ вре-

мени, благодаря которому лучшія стороны славянофильскаго ученія не могли получить въ 40-хъ годахъ яркаго и яснаго литературнаго выраженія. Тотъ очеркъ славянофильства, который сдѣланъ выше, данъ здѣсь въ *исторической перспективѣ*, т. е. при возможности пользоваться фактами и документами разныхъ датъ и разныхъ годовъ опубликованія. Такъ, государственная часть программы славянофильства очерчена выше словами той записки, которую Константинъ Аксаковъ подалъ Императору Александру II въ 1856 г. Въ этой запискѣ не было ничего новаго по существу, она была только повтореніемъ того, что дебатировалось еще въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ на постоянныхъ сходбищахъ московской интеллигенціи, на тѣхъ знаменитыхъ «всенощныхъ бдѣніяхъ», когда еще «славяне» и «западные» не разошлись окончательно и въ личныхъ бесѣдахъ старались другъ друга убѣдить въ правотѣ своего міровоззрѣнія. Но въ стройной и опредѣленной формѣ и съ такимъ подчеркиваніемъ важности проявленія общественной мысли государственная программа славянофильства была изложена только въ запискѣ Аксакова. Будь она извѣстна Бѣлинскому, будь извѣстны ему стихи Хомякова, кладущіе такую рѣзкую грань между патріотизмомъ славянофиловъ и шовинизмомъ улицы, будь ему извѣстны восторженные дифирамбы славянофиловъ свободѣ слова и знай онъ, наконецъ, о доблестномъ поведеніи ихъ при похоронахъ дореформенныхъ порядковъ, и онъ, конечно, совсѣмъ иначе повелъ бы себя. Онъ не набрасывался бы на нихъ со всѣмъ озлобленіемъ человѣка, которому зажатъ ротъ и который и возражать-то толкомъ не имѣетъ никакой возможности. Лучшія стороны славянофильства развернулись позже Бѣлинскаго, а при немъ славянофиловъ позорило ихъ нежеланіе открыто отдѣлиться отъ уличнаго «патріотизма», ихъ потворство такимъ дикимъ выходкамъ à la Булгаринъ, какую, напримѣръ, позволилъ себѣ близкій славянофиламъ поэтъ Языковъ (на сестрѣ его былъ женатъ Хомяковъ). Въ 1845 г. Языковъ, причисливъ себя и славянофиловъ къ «нашимъ», написалъ извѣстное стихотвореніе «*Къ ненашимъ*», гдѣ (конечно, безъ упоминанія именъ) называетъ Грановскаго, Герцена, Чаадаева измѣнниками, ихъ міровоззрѣніе

«ученьемъ школы богомерзкой» и надѣется, что скоро «замретъ проклятый вашъ языкъ».

Въ интимныхъ разговорахъ, въ записныхъ тетрадяхъ славянофилы протестовали противъ стиховъ Языкова, и, напримѣръ, Константинъ Аксаковъ въ неизданномъ стихотвореніи «Къ союзникамъ» съ негодованіемъ отвергалъ помощь такого печальнаго свойства:

Не съединитъ насъ буква мнѣнья,
Во всемъ мы разны межъ собой
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ сильный и простой...
На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!—
Вы—прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, на бой!

Но въ печати эти протесты не появлялись; открыто славянофилы ничѣмъ своего негодованія не выражали, а самый фактъ, что Языковъ считалъ себя купно со славянофилами «нашими», что и самъ Аксаковъ долженъ былъ признать его «союзникомъ», показывалъ, что въ общемъ, для обыкновеннаго наблюдателя, а слѣдовательно и читателя, разграничительной черты между славянофилами и партіей оффиціальной народности въ 40-хъ гг. провести нельзя было. И вотъ почему западники, вѣрные правилу «Timeo Danaos jam dona ferentes», не хотѣли ничего брать у славянофильства. Пламенный демократъ Бѣлинскій пренебрежительно относился къ народному творчеству только потому, что славянофилы его превозносили. Восторги общиннымъ землевладѣніемъ стали спеціальнымъ удѣломъ славянофиловъ, хотя, казалось бы, кому какъ не западникамъ 40-хъ гг., съ ихъ безграничнымъ увлеченіемъ соціальными утопіями, слѣдовало бы ухватиться за общинно-артельныя начала русской народной жизни. Больше же всего западники были напуганы требованіями «самобытности» и выискиваніемъ русскихъ народныхъ «особенностей»,— флагъ, подъ которымъ такъ легко было провести всю гниль мракобѣсія. Должно было пройти 30 лѣтъ, пока исчезъ страхъ, который нагнала партія «оффиціальной народности», говоря отъ имени «народа». Только въ 70-хъ годахъ синтезъ лучшихъ началъ западни-

чества и славянофильства выразился въ нарожденіи того безграничнаго народолюбія, которое въ своемъ мистическомъ, почти религіозномъ преклоненіи предъ народомъ не убоялось преклониться и передъ «особенностями» народа, передъ его «устоями». Народничество 70-хъ и начала 80-хъ гг. вскорѣ дошло до крайнихъ предѣловъ въ идеализаціи народныхъ «устоевъ» (которыми признало *только* общинно-артельное начало и броженіе религіозной мысли) и поставило ихъ выше идеаловъ интеллигенціи. Такія крайности не могли долго владѣть умами, но свою долю пользы онѣ принесли несомнѣнно. Драгоцѣннѣйшимъ результатомъ вызваннаго ими возбужденія и изученія народныхъ «устоевъ» была увѣренность, что эти устои не находятся ни въ какомъ противорѣчіи съ лучшими лозунгами демократизма и европейской культуры. Боязнь «особенностей», страхъ предъ «самобытностью» исчезъ безслѣдно, и мы видимъ, что писатели, выступившіе съ протестами противъ крайностей народничества, вмѣстѣ съ тѣмъ признали цѣлый рядъ «особенностей» русскаго народа, честь перваго выясненія которыхъ безспорно составляетъ заслугу славянофильства.

Третья изъ литературно-общественныхъ партій, окончательно выдѣлившихся въ 40-хъ годахъ, получила названіе «западничества». Партія приняла эту полемическую кличку безъ оговорокъ и такой, напр., выдающійся представитель ея, какъ Тургеневъ, называлъ себя «неисправимымъ западникомъ». Но именно этотъ-то примѣръ, этотъ-то приверженецъ «западничества», въ десять разъ больше всѣхъ славянофиловъ, вмѣстѣ взятыхъ, сдѣлавшій для созданія симпатій къ *русскому быту* и природѣ русской, показываетъ, что кличка далеко не выражаетъ всѣхъ характерныхъ чертъ западническаго міровоззрѣнія. Нѣкоторое время шедшія къ намъ изъ Франціи въ 40-хъ годахъ идеи назывались «филантропическими». Вотъ эта кличка дѣйствительно выразила-бы всю полноту направленія западничества, въ которомъ преклоненія предъ Западомъ, какъ таковымъ, никогда не было. Не Западъ самъ по себѣ, а Западъ исключительно какъ примѣръ практическаго осуществленія лучшихъ началъ правильнаго общественнаго устройства—вотъ что привлекало нашихъ западниковъ. Поскольку же Западъ не осуществлялъ идеала обще-

ственнаго благоустройства, онъ встрѣчалъ въ рядахъ западниковъ нашихъ величайшее осужденіе. На-ряду со всѣми «утопистами» Европы, западники наши подвергали европейскій буржуазный строй рѣзкому осужденію.

Былъ въ 40-хъ годахъ и даже велъ дружбу съ западническою литературною молодежью одинъ человѣкъ, котораго дѣйствительно можно было назвать западникомъ,—Чаадаевъ. Тому дѣйствительно ничто не нравилось въ Россіи и все нравилось въ Европѣ, даже папство... Но Чаадаевъ и по возрасту, и по общему складу своего міровоззрѣнія, отнюдь не «филантропическаго», былъ очень далекъ отъ западнической молодежи. Они сходились между собою только въ *критикѣ* неприглядной русской дѣйствительности того времени. Идеалы же у нихъ были совершенно разные. И только полемическія цѣли могли побудить славянофиловъ связать въ одно Чаадаевское міровоззрѣніе, смотрѣвшее назадъ, въ глубь среднихъ вѣковъ, съ міровоззрѣніемъ кружка Герцена и Бѣлинскаго, жадно смотрѣвшаго впередъ въ поискахъ новыхъ путей правильнаго развитія жизни человѣчества.

Если говорить о западничествѣ въ смыслѣ вліянія западныхъ идей, то надо говорить частнѣе—о вліяніи именно французскихъ идей. Духовная жизнь передовыхъ кружковъ 40-хъ годовъ развивалась подъ рѣшающимъ воздѣйствіемъ французскаго общественнаго движенія, предшествовавшаго 1848 году. Тридцатые годы были годами нѣмецкаго вліянія по преимуществу и по источникамъ своимъ — изученію Шиллера, Гете, Шеллинга, Гегеля, и по общему направленію своему—неопредѣленно-идеалистическому, расплывавшемуся въ абстракціяхъ и скользившему по русской дѣйствительности, не зная за что ухватиться для практическаго проведенія въ жизнь своихъ идеаловъ. Въ 40-хъ годахъ все это смѣняется вліяніемъ французскихъ соціальныхъ системъ, и для характеристики міросозерцанія кружка Бѣлинскаго и Герцена ихъ можно было бы назвать «соціалистами». При этомъ слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что «соціализмъ» въ позднѣйшемъ смыслѣ—аггрессивномъ былъ чуждъ большинству людей 40-хъ годовъ. Бѣлинскій въ одномъ письмѣ называетъ себя «соціалистомъ», но только въ смыслѣ человѣка, интересующагося по преимуществу «соціальными»,

т. е. общественными отношеніями. Правильнѣе, поэтому, называть нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ не «соціалистами», а *общественниками*, и тогда подъ эту кличку подойдутъ и очень радикально-настроенный Герценъ, и бурный протестантъ Бѣлинскій, и безусловно мирные и молодые писатели, выступившіе въ концѣ 40-хъ годовъ съ художественною проповѣдью новыхъ идеаловъ—Тургеневъ, Григоровичъ, Достоевскій, Некрасовъ, Салтыковъ и др. Послѣдній изъ сейчасъ названныхъ писателей кратко, но чрезвычайно ярко формулировалъ общее настроеніе эпохи. Какъ и во всѣхъ молодыхъ людяхъ конца 40-хъ годовъ, въ Салтыковѣ бродилъ неопредѣленный и туманный «соціализмъ», нашедшій свое выраженіе въ повѣсти «Запутанное дѣло», благодаря которой онъ въ началѣ 1848 года попалъ въ Вятку. И вотъ, вспоминая въ «За рубежемъ» пору молодости, тѣ настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ написалось «Запутанное дѣло», Салтыковъ говоритъ:

«Изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ—лилась въ насъ *вѣра въ человѣчество;* оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ».

Въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ не «борьба классовъ», а *человѣчество*, не политическая экономія, а *вѣра*, и эта вѣра воспринята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы,—она *возсіяла.* И какъ характерно затѣмъ въ политическую экономію Луи-Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ-Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи «золотого вѣка», то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній?

Необыкновенно яркое пробужденіе *общественнаго чувства* въ концѣ сороковыхъ годовъ сказалось на всѣхъ отрасляхъ литературной производительности эпохи. Тѣ же самые «люди сороковыхъ годовъ», которые прежде, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ

«абсолютахъ», о «святынѣ искусства», о «вѣчной красотѣ» и тому подобномъ, теперь до мозга костей проникаются «политикой», думами и размышленіями о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, правильны или неправильны наши космогоническія представленія, нормальны или не нормальны наши семейныя отношенія и т. д. Сообразно съ этимъ поворотомъ, рѣшительно вся молодая литература изъ фазиса эстетическаго переходитъ въ фазисъ общественно-политическій.

Все, что появилось въ срединѣ и концѣ сороковыхъ годовъ свѣжаго, убѣжденнаго и талантливаго, все это примкнуло къ новому движенію. Примкнулъ, во-первыхъ, Бѣлинскій со всѣмъ запасомъ своего страстнаго энтузіазма. Съ тою же восторженною энергіей, съ которою «Неистовый Виссаріонъ» когда-то требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, онъ сталъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи. Это же требованіе соотношенія жизни и искусства выставилъ на своемъ знамени даровитый юноша, такъ рано погибшій для русской литературы—Валеріанъ Майковъ. Ярко и опредѣленно примыкалъ къ духу времени третій даровитый теоретикъ сороковыхъ годовъ—Искандеръ. Нужно припомнить силу вліянія Бѣлинскаго, неотразимое обаяніе ума Искандера и горячую убѣжденность Майкова, чтобы понять, до какой степени должны были подчиниться проповѣди новыхъ теорій молодые таланты, чуткіе ко всему искреннему и убѣжденному. И дѣйствительно, какимъ-то совершенно стихійнымъ образомъ, всѣ молодые таланты, точно сговорившись и почти въ одинъ и тотъ же годъ, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали широкія общественныя тенденціи. Явился Григоровичъ съ «Деревней» и «Антономъ Горемыкой», въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ. Явился Тургеневъ съ «Записками охотника», въ которыхъ то же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще большею теплотою. Явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ «мечты и звуки» и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ страданіямъ и психологіи народной души. Та-же широкая общественная тенденція лежала въ основѣ двухъ талантливыхъ про-

изведеній, задавшихся выясненіемъ семейныхъ отношеній—искандеровскаго «Кто виноватъ» и «Полиньки Саксъ» Дружинина. «Обыкновенная исторія» Гончарова, благодаря сухости авторскаго темперамента, является какъ бы проповѣдью карьеристской «дѣловитости», но по намѣреніямъ авторскимъ она должна была отразить собою «первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ». Не особенно «передового» образа мыслей былъ Писемскій, засѣвшій послѣ окончанія въ 1844 году университетскаго курса въ провинціи и занявшійся тамъ исключительно личною жизнью. Мало его и въ университетѣ занимали «идеи вѣка», а тѣмъ болѣе въ провинціальной глуши. Но до такой степени эти «идеи вѣка» просто въ воздухѣ были разлиты, до такой степени ими была проникнута каждая журнальная статья и статейка, что даже Писемскій, совершенно въ сторонѣ стоявшій отъ передового движенія, въ первомъ своемъ произведеніи—превосходной «Боярщинѣ», настолько рѣзко поставилъ вопросъ о свободѣ любви, что цензура 1847 года, пропустившая «Кто виноватъ» и «Полиньку Саксъ», не пропустила «Боярщины», которая такъ-таки только въ слѣдующее царствованіе и увидѣла свѣтъ. Нужно ли много говорить о томъ, насколько рѣшительно примыкали къ новому теченію «Бѣдные люди» Достоевскаго и «Запутанное дѣло» Салтыкова? Нѣтъ надобности удлинять нашъ перечень разными второстепенными произведеніями, повѣстями Дурова, Буткова, прозою Некрасова и т. д. О литературѣ того или другого періода судятъ по выдающимся произведеніямъ, а мы ихъ всѣ назвали и всѣ они убѣждаютъ насъ въ томъ, что одна волна захватила лучшую и талантливѣйшую часть литературы, что въ одномъ и томъ же направленіи работали всѣ молодые умы. Яркое выраженіе этого направленія мы находимъ въ стихотвореніи Плещеева «Впередъ», которое для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе историческаго документа. Только что выступившій на литературное поприще 22-лѣтній поэтъ съ буквальной точностью отразилъ въ своемъ стихотвореніи настроеніе молодой, нарождающейся литературы:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.
Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ! Впередъ! и безъ возврата,
Что бъ рокъ вдали намъ не сулилъ!

Для современнаго читателя стихотвореніе это можетъ показаться собраніемъ общихъ мѣстъ. Но подставьте подъ туманныя выраженія стихотворенія выраженія болѣе точныя, подставьте увлеченіе тѣмъ „ученіемъ любви“, которое къ намъ шло изъ Франціи, подставьте, ненависть къ безобразіямъ тогдашняго строя общественной жизни которою была проникнута вся молодая литература, а главное подставьте юношескій энтузіазмъ и молодую вѣру въ неизбѣжное наступленіе новыхъ, лучшихъ временъ, и вы убѣдитесь, до какой степени

горячій и искренній призывъ молодого поэта отразилъ въ себѣ міросозерцаніе всей молодой литературы, которая поэтому и заучивала съ восторгомъ стихотвореніе Плещеева.

Таковы общіе контуры эпохи, выразителемъ которой явился Бѣлинскій. Отражать такую эпоху, полную прежде всего великодушныхъ порывовъ, нужно было по преимуществу сердцемъ, и я рѣшаюсь утверждать, что именно въ томъ, по преимуществу, великое значеніе Бѣлинскаго, что у него было *великое сердце*. Огромно, конечно, и чисто-умственное значеніе его литературнаго наслѣдства. Разберитесь въ своихъ представленіяхъ о главныхъ моментахъ русской литературы и вамъ станетъ ясно, что источникъ ихъ въ разъясненіяхъ, съ такою удивительною яркостью и ясностью данныхъ Бѣлинскимъ. Присмотритесь къ тому пониманію исторіи русской литературы, которое теперь уже разошлось по всѣмъ учебникамъ, и вамъ опять станетъ ясно, что все это взято изъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, изъ его «Литературныхъ мечтаній», изъ годовыхъ обзоровъ его. Прослѣдите, наконецъ, генетическую связь между литературнымъ движеніемъ всего ряда лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и мыслями, идеями и настроеніями «Неистоваго Виссаріона» и вы увидите, что для Бѣлинскаго еще не наступила исторія. У Бѣлинскаго вы всегда найдете отвѣтъ на большинство самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности, потому что отправные пункты путей, по которымъ шла разработка этихъ вопросовъ, намѣчены Бѣлинскимъ же совершенно опредѣленно и ясно.

Словомъ, Бѣлинскій есть основа, первоисточникъ, краеугольный камень всей новой русской литературной мысли, живое воплощеніе всѣхъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя сдѣлали русскую литературу важнѣйшимъ факторомъ новаго направленія русской гражданственности.

Но именно только воплощеніе. Никакое преклоненіе предъ Бѣлинскимъ не должно затушевывать тотъ фактъ, что мысли, которыя онъ высказывалъ съ такимъ огромнымъ талантомъ и силою, были мыслями цѣлаго круга людей, его вдохновлявшихъ. И этотъ фактъ не только потому не нужно затушевывать, что онъ есть правда, а еще и потому, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что бы

умаляло значеніе Бѣлинскаго. Вѣдь самые-то настоящіе великіе люди тѣ, которые не сами по себѣ, а отражаютъ великія эпохи. Второстепенно было бы значеніе Бѣлинскаго, если бы онъ отражалъ одного Бакунина, одного Грановскаго, одного Герцена. Но если онъ одновременно, и притомъ по отношенію къ большинству изъ нихъ съ безконечно большею силою и блескомъ, отражалъ и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена, то это уже значитъ, что онъ является центральнымъ пунктомъ знаменитѣйшей эпохи, выразителемъ замѣчательнѣйшаго момента русской культуры, давшей ту плеяду великихъ писателей, которая поставила Россію на одинъ уровень съ великими литературными державами человѣчества. Какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, главная заслуга великаго критика «не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности. Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда-либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства. Великій праведникъ литературы русской, рыцарь безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни единаго, самомалѣйшаго пятнышка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ страстотерпцемъ новой русской мысли. Онъ глубоко выстрадалъ свои убѣжденія и въ полномъ смыслѣ слова писалъ лучшею кровью своего сердца».

Печать необыкновенно высокаго духа Бѣлинскаго лежитъ на каждой строчкѣ, имъ написанной, и оттого такъ жгучи нынѣ эти старыя журнальныя статьи и рецензіи, болѣе полувѣка тому назадъ написанныя и часто по поводамъ совершенно ничтожнымъ. Мысли старѣются и становятся банальными, что можно сказать про многія положенія Бѣлинскаго, превратившіяся въ трюизмы. Но истинный паѳосъ никогда не старѣетъ и всегда сообщается читателю. И какъ вѣрующій, заглядывающій въ минуту поисковъ душевнаго утѣшенія въ псалтирь, находитъ въ ней слова успокоенія, хотя они сказаны совсѣмъ по иному поводу, такъ и сочиненія Бѣлинскаго, раскрытыя въ

любомъ мѣстѣ, дають источникъ великаго наслажденія всякому, волнующемуся вопросами морали, назначенія литературы и выясненія истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. Безграничное воодушевленіе Бѣлинскаго уноситъ и читателя его въ горныя вершины духа. Есть немногіе избранники, при встрѣчѣ съ которыми всякій нравственно подтягивается и куда-то далеко, далеко прячетъ всѣ мелкіе помыслы. Заразительно, вѣдь, не только зло, но и добро. Бѣлинскій—одинъ изъ такихъ избранниковъ. Въ этомъ было его значеніе въ кружкахъ превосходившихъ его знаніями пріятелей его, въ этомъ его значеніе и теперь. Въ его духовномъ присутствіи отпадаетъ все ничтожное и пошлое, и всякій чувствуетъ неодолимую потребность чѣмъ-нибудь приблизиться къ его душевной чистотѣ и настроить себя въ унисонъ съ біеніемъ его великаго сердца...

СВѢТОЧЪ

Полное собраніе сочиненій Байрона въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей *С. А. Венгерова.* Роскошное изданіе, съ историко-литературными предисловіями, примѣчаніями, эстампами и рисунками въ текстѣ. (Библіотека великихъ писателей, изд. Брокгаузъ-Ефрона). Спб. 1904-1906. 3 тома. Ц. за 3 тома 15 руб., въ 3 переплетахъ 18 р.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. (Премія къ «Вѣстнику и Библіотекѣ Самообразованія» на 1903 г.). Подъ редакціей *С. А. Венгерова.* Спб. 1903. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Ц. 2 руб.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. Вышло 6 томовъ. (Спб. 1886—1904). Ц. I т. 5 р. 25 к., II 2 р. 25 к. Остальные по 2 р. 50 к.

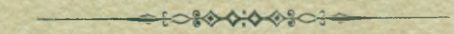
Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12 томахъ Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова.* Вышло 7 томовъ. Ц. каждаго тома 1 р. 25 коп.

Эпоха Бѣлинскаго. (Общій очеркъ). Публичная лекція. Спб. 1905. Ц. 20 коп.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова.* Спб. 1905 Ц. 10 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Очерки по исторіи русской литературы т. I. (около 500 стр.).

Цѣна 20 коп.